

Алексей Довгун

ВЫЖИВАНИЕ БЕЗ ГЕРОИЗМА: СЕМЬЯ В КРИЗИСЕ

СПОКОЙСТВИЕ • ПЛАН • ДЕЙСТВИЯ • ЗАЩИТА БЛИЗКИХ

КАК ПОДГОТОВИТЬ
ДОМ К НЕПРЕДВИДЕННЫМ
СИТУАЦИЯМ

ЗАПАСЫ, КОТОРЫЕ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
НУЖНЫ

БЕЗОПАСНОСТЬ
ДОМА И НА УЛИЦЕ

КАК СОХРАНИТЬ
СПОКОЙСТВИЕ
И ПОДДЕРЖАТЬ БЛИЗКИХ

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ,
ЕСЛИ ВСЁ ПОШЛО
НЕ ПО ПЛАНУ

Потому что
самое ценное — это те,
кто рядом

Алексей Довгун

**Выживание без героизма:
Семья в кризисе**

«Автор»

2026

Довгун А.

Выживание без героизма: Семья в кризисе / А. Довгун —
«Автор», 2026

Когда вы одни, выживание зависит только от вашей маневренности. Но когда рядом семья, ваша скорость равна шагу самого уязвимого. Данная книга — это жесткое и прагматичное исследование того, как спасти близких, когда рушатся не только бетонные стены, но и человеческая психика. Кино убеждает нас, что беда мгновенно сплавливает людей. В реальности катастрофа провоцирует хаос: взрослые начинают спорить у горящей двери, пытаясь спасти имущество, напуганные дети прячутся под кровати, а старики умоляют бросить их ради спасения остальных. В этой книге нет советов по разведению костров. Здесь анатомия группового выживания: Почему семейная демократия убивает, а жесткая диктатура спасает жизни; Как остановить фатальную попытку «быстро собрать вещи»; Почему справедливое деление воды и еды — это путь к гибели всей группы; Истинная любовь в чрезвычайной ситуации — это не жалость и уговоры. Это холодный расчет, хирургическая дисциплина и готовность взять на себя чудовищную ответственность

© Довгун А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Конец правила «Каждый сам за себя»	7
Глава 2. Иллюзия консенсуса: когда взрослые начинают спорить	10
Глава 3. Якорь комфорта: «Давайте соберем вещи» и другие фатальные задержки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алексей Довгун

Выживание без героизма: Семья в кризисе

Предисловие

Всё начинается с обычной, ничем не примечательной бытовой сцены.

Ужин уже почти готов, на плите закипает чайник. В соседней комнате дети спорят из-за планшета, а пожилая мама в кресле смотрит вечерние новости, сделав звук телевизора чуть громче обычного. Вы стоите у окна, глядя на привычный пейзаж спального района, и размышляете о планах на завтрашний день. Это ваша семья. Ваш микросоциум. Уютный, предсказуемый мир, работающий по давно отлаженным правилам, где конфликты решаются компромиссами, а безопасность воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

А затем всё рушится.

Резкий, рвущий барабанные перепонки гул. Внезапно погасший свет. Запах едкого химического дыма, пробивающийся через вентиляцию. Дрожащие стены или вой сирен, который не прекращается слишком долго. Катастрофа никогда не стучится в дверь. Она просто выбивает её с петель, стирая границу между безопасным домом и враждебной улицей.

Если бы в этот момент вы были одни, ваш алгоритм был бы пугающим, но относительно простым. Оценить угрозу, схватить куртку, подавить панику и максимально быстро покинуть опасную зону. Одиночка маневренен. Он отвечает только за свой пульс, свои ноги и свои ошибки.

Но вы не одни.

В ту же секунду, когда в воздухе повисает запах опасности, в гостиной раздаётся испуганный детский плач. Ваш супруг или супруга выбегает из кухни с криком: «Что происходит?!». Пожилая мама растерянно застывает в кресле в полной темноте.

Вам нужно действовать, счет идет на секунды, но вместо этого запускается чудовищный механизм семейного кризиса.

— *Нужно уходить, немедленно!* — кричите вы.

— *Подожди, давай еще пять минут подождем, может, свет дадут!* — отвечает партнер. — *И вообще, куда мы пойдем на ночь глядя с детьми?*

— *Надо собрать документы и теплые вещи!*

— *Я нигде не пойду, у меня давление,* — доносится из кресла. — *Оставьте меня здесь.*

— *Я сейчас сам быстро спущусь на улицу, проверю, что там, и вернусь!* — звучит самая фатальная фраза из всех возможных.

Драгоценные минуты уходят на препирательства, уговоры и попытки достичь демократического консенсуса там, где демократия убивает.

Эта книга — не руководство для одиноких волков, выживающих с одним ножом в тайге. Это жестокое, прагматичное исследование того, как спасти тех, кого вы любите, когда ваша семья оказывается в эпицентре чрезвычайной ситуации.

Семья в кризисе — это самый сложный механизм. Он может стать спасательным кругом, где каждый поддерживает друг друга, а может превратиться в бетонный блок, который утянет всех на дно. Наличие детей заставляет иначе оценивать риски и скорость передвижения. Наличие пожилых или маломобильных родственников перечеркивает планы по быстрой пешей эвакуации. А эмоциональная связь между вами приводит к тому, что страх одного члена семьи мгновенно заражает остальных, парализуя способность мыслить логически.

Здесь не будет советов из голливудских фильмов, где герой одной рукой отстреливается от зомби, а другой несет спящего младенца. Реальность выживания с семьей — это тяже-

лый труд, требующий отказа от многих иллюзий. Это умение брать на себя авторитарную власть, когда близкие поддаются панике. Это готовность делить скудные запасы воды так, чтобы выжили все, а не только самые сильные. Это жестокая необходимость принимать решения за тех, кто не в состоянии сделать это сам.

Мы разберем анатомию семейного выживания на атомы. От того, как правильно заткнуть рот паникующему взрослому, до того, как объяснить ребенку, почему нельзя плакать в темноте. Мы выясним, почему попытка разделиться — это почти всегда приговор, и как подготовиться к ситуации, когда катастрофа разлучила вас посреди рабочего дня.

Ваша семья — это ваша главная ценность. Но в момент, когда привычный мир рушится, одной любви недостаточно, чтобы выжить. Нужна холодная голова, четкий план и готовность действовать без колебаний.

Пришло время узнать, как провести своих близких сквозь бурю.

Глава 1. Конец правила «Каждый сам за себя»

Вспомните любое руководство по выживанию, фильм-катастрофу или базовый инструктаж по технике безопасности. Почти всегда они обращаются к одному субъекту — к вам лично. «Если вы оказались в зоне пожара...», «если вы заблудились...», «ваш тревожный чемоданчик должен содержать...». Вся индустрия выживания исторически заточена под одиночку — мобильного, независимого, способного принимать мгновенные решения и отвечать только за собственную шкуру.

Одиночка обладает роскошью эгоизма. Если коридор заполняется дымом, он может упасть на четвереньки и проползти сквозь ядовитое облако, задерживая дыхание на пределе возможностей легких. Если машина застряла в метель, он может бросить её, застегнуть куртку и пойти сквозь сугробы, рискуя обморозить лицо, но спасая жизнь. Одиночка — это скоростной катер. Он маневренен, легок и может резко сменить курс в любую секунду.

Но в тот момент, когда рядом с вами оказывается ваша семья, вы перестаете быть скоростным катером. Вы превращаетесь в тяжелую баржу, неповоротливую и уязвимую для любых волн.

Правило «каждый сам за себя», которое является фундаментальным инстинктом самосохранения любого живого существа, в семье перестает работать. Точнее, оно вступает в жесточайший конфликт с другим, еще более мощным инстинктом — защитой потомства и близких. И на стыке этих двух инстинктов рождается самая сложная, непредсказуемая и опасная динамика поведения в условиях чрезвычайной ситуации.

Закон самого слабого звена

Первое, что вам придется осознать и принять, когда катастрофа настигает вас в кругу семьи, — это радикальное изменение метрик выживания.

В обычной жизни разница в физических возможностях членов семьи нивелируется комфортом. Неважно, что вы пробегаете марафон, а ваша семилетняя дочь устает после двадцати минут ходьбы, — вы просто садитесь в машину и едете вместе. Неважно, что у вашего пожилого отца гипертония и одышка — лифт доставит вас на седьмой этаж с одинаковой скоростью. Цивилизация уравнивает наши физические потенциалы.

Но когда лифт обесточен, а машина превращается в бесполезный кусок металла на заваленной обломками улице, биология безжалостно вступает в свои права.

С этой секунды скорость вашей группы больше не равна вашей личной скорости. Скорость эвакуации вашей семьи равна скорости самого медленного её члена. Ваша выносливость равна выносливости самого слабого. Ваша способность переносить холод, жажду или стресс лимитирована тем, кто сломается первым.

Это осознание часто вызывает подсознательное, глубоко спрятанное чувство паники и даже раздражения, в котором люди боятся признаться самим себе. Ваш мозг, оценивая угрозу (например, быстро прибывающую воду или распространяющийся огонь), кричит: «Я могу отсюда выбраться за две минуты!». Но ваши глаза смотрят на плачущего ребенка, который отказывается идти, или на пожилую мать, которая судорожно ищет очки, и рассудок понимает: «Мы не выберемся отсюда и за десять».

Переход от индивидуального выживания к семейному требует немедленной, почти хирургической смены мышления. Вы должны перестать измерять шансы на спасение собственными мерками. Вы больше не оцениваете препятствие вопросом «Смогу ли я через него перелезть?». Теперь единственный правильный вопрос звучит так: «Сможем ли мы перетящить

через него бабушку и двоих детей?». Если ответ «нет», этот маршрут закрыт, каким бы привлекательным он ни казался вам лично.

Эмоциональный резонанс и заражение страхом

Помимо физических ограничений, семья в кризисе сталкивается с угрозой совершенно иного порядка. Это угроза психологическая, и она распространяется быстрее любого вируса.

Семья — это замкнутая эмоциональная экосистема. В обычной жизни мы называем это эмпатией: мы чувствуем настроение друг друга, сопереживаем проблемам, радуемся общим успехам. Мы настроены на одну частоту. Но в экстремальной ситуации эта тонкая настройка превращается в смертельную ловушку, порождая эффект «эмоционального резонанса».

Когда человек один, его страх изолирован внутри его собственной черепной коробки. Он может кричать, дрожать или бить кулаками в стену — это ни на кого не повлияет. Но когда вы в кругу семьи, любая неконтролируемая вспышка страха мгновенно транслируется остальным.

Представьте ситуацию: вы стоите в темной квартире, здание содрогается от отдаленных толчков землетрясения. Вы не знаете, что делать. В ваших глазах читается неподдельный животный ужас, и вы растерянно бросаете супругу: «Мы все умрем, я не знаю, куда бежать!».

В эту же секунду ваш страх, помноженный на авторитет взрослого, ударяет по психике вашего ребенка. Ребенок начинает истерично кричать, потому что его главный гарант безопасности (вы) только что расписался в собственной беспомощности. Крик ребенка бьет по нервам супруга, который начинает метаться по комнате, совершая хаотичные действия. Ваш первоначальный страх, отразившись от близких, возвращается к вам в виде неконтролируемой коллективной паники.

В семейном выживании вы теряете право на открытое проявление слабости. Это жесткое требование, но оно спасает жизни.

Тот, кто берет на себя роль лидера (а лидер в кризисной ситуации должен появиться в первые же секунды), обязан надеть на себя непроницаемую маску спокойствия, даже если внутри у него всё обрывается от ужаса. Ваш спокойный тон, уверенные движения и четкие, короткие команды — это «огнетушитель» для эмоционального пожара ваших близких.

Ловушка «демократии» на краю пропасти

Еще один атрибут мирной семейной жизни, с которым придется безжалостно расстаться в минуту опасности, — это равноправие в принятии решений.

Современные семьи строятся на принципах партнерства. Мы привыкли обсуждать, куда поехать в отпуск, какие обои выбрать в гостиную и в какую школу отдать ребенка. Мы взвешиваем аргументы, ищем компромиссы и стараемся учитывать мнение каждого. Это прекрасная модель для мирного времени. И это абсолютно фатальная модель для чрезвычайной ситуации.

Когда в дверь стучится беда, время сжимается. Решение, которое могло бы спасти вас на первой минуте, становится бесполезным на третьей и смертоносным на пятой.

Попытка сохранить демократию в кризисе выглядит как злая пародия.

— *Я считаю, нам нужно спускаться по лестнице,* — говорит один.

— *А мне кажется, там слишком много дыма, давай лучше закроемся на балконе,* — возражает второй.

— *Мама, папа, а может, мы возьмем кота и подождем пожарных?* — вмешивается ребенок.

— *Я без своих таблеток никуда не пойду!* — заявляет старшее поколение.

Пока семья пытается достичь консенсуса, ситуация ухудшается с каждой секундой. Точка невозврата проходится в бессмысленных спорах.

Конец правила «каждый сам за себя» не означает, что теперь все принимают решения вместе. Напротив. Это означает, что микросоциум должен мгновенно перейти на военное положение. Группе нужен один командир. Тот, кто способен быстрее анализировать факты, должен взять на себя ответственность и произнести фразу, не терпящую возражений: «Слушать меня. Споры окончены. Мы делаем вот это, прямо сейчас».

Остальным членам семьи предстоит сделать не менее сложную вещь: подавить свое эго, свой собственный страх и подчиниться, даже если решение лидера кажется им спорным. Потому что в хаосе катастрофы плохое, но быстро и слаженно выполненное решение всей группой почти всегда лучше, чем идеальный план, который половина семьи саботирует.

Вы стоите посреди своей гостиной. Привычный мир рухнул несколько минут назад. Вы поняли, что не можете просто схватить рюкзак и выбежать — вы связаны невидимыми, но прочными цепями ответственности за тех, кто сейчас смотрит на вас широко раскрытыми от страха глазами.

Вам нужно действовать. Но прежде чем вы сделаете первый шаг к спасению, вам предстоит выиграть самую сложную битву этого дня — битву со своими же взрослыми, умными, но напуганными близкими, которые именно сейчас, на краю пропасти, решат, что имеют право с вами поспорить.

Глава 2. Иллюзия консенсуса: когда взрослые начинают спорить

Воздух в комнате становится густым от напряжения. За окном завывает сирена, или, наоборот, стоит зловещая, неестественная тишина после сильного толчка, отключившего электричество во всем квартале. Вы понимаете, что нужно действовать. Ваш пульс учащен, мозг уже прокладывает маршрут к выходу. Вы поворачиваетесь к своему партнеру — человеку, с которым вы делите ипотеку, воспитываете детей и планируете отпуска, ожидая увидеть в его глазах ту же решимость.

Но вместо этого вы сталкиваетесь с глухой, непробиваемой стеной отрицания.

— *Успокойся, ты преувеличиваешь*, — говорит ваш супруг или супруга, нервно поправляя волосы или машинально переставляя чашки на столе. — *Это просто сбой. Наверняка всё скоро закончится. Давай подождем.*

— *Там дым в подъезде! Нам нужно уходить!* — повышаете голос вы.

— *А если мы выйдем, а там еще хуже? Давай не будем паниковать и делать глупости.*

Начинается спор. В любой другой день это была бы обычная семейная перепалка о том, кто прав, а кто виноват. Но сегодня этот диалог — смертельная ловушка. Пока вы обмениваетесь аргументами, пытаетесь убедить друг друга, невидимые песчинки в часах вашего выживания стремительно утекают. Вы пытаетесь применить привычную модель «достижения консенсуса» в ситуации, где сама концепция демократии становится главным врагом вашей семьи.

Анатомия отрицания: почему мы спорим на краю пропасти

Чтобы остановить этот разрушительный процесс, нужно понять, почему взрослые, адекватные люди начинают вести себя так нелогично перед лицом очевидной угрозы.

Спор в момент катастрофы редко бывает продиктован реальной глупостью или упрямством. В подавляющем большинстве случаев это защитная реакция психики. Психологи, изучающие поведение людей в чрезвычайных ситуациях, называют это «смещением нормальности» (normalcy bias). Наш мозг настолько привык к рутине, что до последнего отказывается верить в крушение мира. Признать, что ваш дом сейчас сгорит, или что на город надвигается смертоносный ураган, — значит испытать колоссальную боль и перегрузку нервной системы.

Поэтому один из взрослых в семье часто подсознательно выбирает стратегию «заморозки». Спор для него — это не поиск истины. Спор — это способ оттянуть время, удержаться за иллюзию нормальности. Фразы «давайте еще пять минут подождем» или «я уверен, что пожарные уже едут» — это ментальное обезболивающее.

В то же время второй взрослый, чья психика отреагировала стратегией «бей или беги», испытывает острый приступ адреналиновой паники. Он хочет немедленных действий. И когда эти две стратегии — «остаться и игнорировать» и «бежать сломя голову» — сталкиваются на площади в двадцать квадратных метров, возникает короткое замыкание.

Вы начинаете кричать друг на друга не потому, что ненавидите друг друга. Вы кричите потому, что ваши мозги в данный момент работают на совершенно разных биохимических частотах, и каждый пытается заставить реальность подчиниться своей иллюзии контроля.

Время как сгорающий ресурс и ловушка аргументов

Главная трагедия семейных споров в кризисе заключается в искаженном восприятии времени. Когда вы ругаетесь на кухне, секунды текут иначе. Вам кажется, что вы просто обменялись парой фраз:

— *Мы уходим!*

— *Куда мы пойдем, там зима! Дети простудятся!*

— *Они сгорят, если мы останемся!*

— *Ты вечно всё драматизируешь!*

Вам кажется, что этот диалог занял пять секунд. В реальности, с учетом пауз, жестикуляции, метаний по комнате и попыток собрать разбегающихся от крика детей, проходит три, четыре, а то и пять минут.

На пожаре пять минут — это разница между задымлением, сквозь которое можно пройти, пригнувшись, и стеной огня с нулевой видимостью и смертельной концентрацией угарного газа. При внезапном наводнении пять минут — это вода, поднявшаяся от щиколоток до груди, превращающая улицу в бурлящую горную реку.

Вы не можете позволить себе роскошь убеждать партнера. Логика не работает, когда миндалевидное тело мозга (отвечающее за страх и отрицание) подавляет префронтальную кору (отвечающую за разум). Любой ваш аргумент, каким бы рациональным он ни был, будет встречен контраргументом, потому что цель вашего оппонента в данный момент — не найти решение, а избежать пугающего действия.

Спор в экстремальной ситуации — это черная дыра, которая поглощает ваше единственное преимущество: время на опережение.

Перехват управления: как заткнуть рот без ненависти

Если вы осознали масштаб угрозы, а ваш партнер впал в отрицание и готов спорить, вы обязаны совершить жесткий, почти авторитарный перехват управления. Это неприятно. Это ломает семейные устои. Но это необходимо.

1. Разорвите дистанцию и установите физический контакт.

Кричать из другого конца комнаты бесполезно — это лишь усиливает панику. Подойдите вплотную. Возьмите партнера за плечи или крепко сожмите его предплечье. Физический контакт — мощный якорь, который заставляет человека вынырнуть из своих мыслей и сфокусироваться на вас.

2. Используйте «Командирский голос».

Это не истеричный крик. Это низкий, ровный, громкий и абсолютно лишенный эмоций тон. Он должен звучать как приказ автоматической системы оповещения. Эмоции порождают сопротивление; сухая директива заставляет подчиниться на уровне рефлексов.

3. Отмените демократию вслух.

Скажите фразу, которая пресекает дискуссию: *«Послушай меня. Времени на споры нет. Мы уходим сейчас. Мы поговорим об этом позже на улице»*. Вы даете человеку обещание, что его мнение будет услышано, но сдвигаете этот момент в безопасное будущее.

4. Замените аргументы простыми глаголами.

Не пытайтесь доказать, *почему* нужно уходить. Отрицающий мозг не способен анализировать причинно-следственные связи. Вместо того чтобы объяснять: *«Если мы не уйдем, через десять минут лестница обрушится из-за температуры горения»*, дайте четкую, примитивную команду, состоящую из глаголов действия:

«Надень куртку. Возьми этот рюкзак. Держи Машу за руку. Иди за мной».

Когда человек находится в ступоре или отрицании, он подсознательно жаждет, чтобы кто-то снял с него тяжесть принятия решений. Дав ему четкий, пошаговый алгоритм физических действий (надень, возьми, иди), вы выводите его из оцепенения. Он начинает выполнять механическую работу, и спор затухает сам собой.

Вы сломали стену отрицания. Вы взяли на себя ответственность командира, и ваша семья, пусть и неохотно, подчинилась новому ритму. Спор окончен. Кажется, теперь ничто не мешает вам быстро покинуть опасную зону.

Но как только вы произносите команду: «К выходу!», ваш супруг или пожилой родитель внезапно останавливается на полпути к двери, разворачивается и бросается обратно в комнату.

— *Я только заберу документы! И ноутбук! И мамину шкатулку! Это займет одну секунду!*

Вы с ужасом понимаете, что победа над спором была лишь разминкой. Ваша семья попала в следующий, еще более опасный капкан — ловушку материальной привязанности, которая убивает людей чаще, чем обрушающиеся потолки.

Глава 3. Якорь комфорта: «Давайте соберем вещи» и другие фатальные задержки

Вы одержали первую победу. Спор, грозивший парализовать вашу семью в самые критические секунды, пресечен. Вы перехватили управление, взяли на себя роль жесткого лидера и произнесли команду, которая должна была запустить механизм эвакуации: «Всё, мы уходим. Прямо сейчас».

Кажется, алгоритм запущен. Вы уже мысленно прокладываете маршрут по лестнице или темной улице.

Но внезапно ваш супруг, который еще секунду назад, казалось, согласился подчиниться, резко останавливается на полпути к входной двери. Его взгляд начинает лихорадочно метаться по комнате.

— *Я только возьму папку с документами!* — бросает он и кидается к шкафу.

— *А где мой ноутбук? Там вся работа!* — вторит ему голос подростка.

— *Мы не можем уйти без теплого одеяла и маминого тонометра!* — доносится из спальни.

И вот ваша семья, которая должна была двигаться к спасению единым, слаженным механизмом, рассыпается на части. Люди начинают метаться по комнатам, выдвигать ящики, судорожно расстегивать молнии на дорожных сумках, пытаются впихнуть в них вещи, которые еще пятнадцать минут назад составляли основу их уютного быта.

Вы с ужасом понимаете, что попали в следующий, еще более опасный психологический капкан. Это ловушка материальной привязанности. И в групповом выживании она убивает людей гораздо чаще, чем обрушающиеся потолки или прибывающая вода.

Психология чемодана: почему вещи кажутся важнее жизни

Чтобы вырвать близких из этого смертельного транса сборов, вам нужно понять природу их поведения. Люди, судорожно спасающие имущество в момент катастрофы, делают это не из-за патологической жадности или глупости.

Исследователи авиационных катастроф не раз сталкивались с пугающим феноменом: при экстренной эвакуации из горящего салона самолета, когда счет идет на секунды, а проходы затягивает токсичным дымом, пассажиры останавливаются, чтобы достать свою ручную кладь из багажных полок. Они блокируют путь другим, рискуют сгореть заживо, но не могут бросить свой чемодан.

В основе этого иррационального поведения лежит сильнейший психологический защитный механизм. Наши вещи — это продолжение нашей идентичности. Паспорт, ноутбук с фотографиями, любимая куртка, семейная реликвия — всё это материальные якоря, которые привязывают нас к нашей «нормальной» жизни. Когда окружающий мир начинает рушиться, психика испытывает невыносимый стресс. И чтобы не сойти с ума от осознания того, что жизнь изменилась навсегда, человек подсознательно пытается забрать кусок этой прошлой, безопасной жизни с собой.

Сжимая в руках ноутбук или шкатулку, ваш испуганный партнер на мгновение возвращает себе иллюзию контроля. Вещь становится психологическим обезболивающим. Ему кажется: «Пока эти вещи со мной, я всё еще тот человек, которым был до начала катастрофы. Моя жизнь продолжается».

Но физика катастрофы безжалостна к психологии. Огонь, вода и угарный газ не делают скидок на вашу эмоциональную привязанность к семейному фотоальбому.

Черная дыра времени и физика балласта

Главная опасность спонтанных сборов заключается в чудовищном искажении восприятия времени. Человеку, который бросился в дальнюю комнату за документами, кажется, что это займет «ровно одну секунду».

В реальности эта секунда растягивается в черную дыру. Он вбегает в темную комнату (света уже нет), вслепую шарит по полкам, сбрасывая предметы на пол. Документов там нет. Он начинает паниковать, открывает другой ящик. Проходит минута. Две. Три. В это время открытая входная дверь уже затягивает в квартиру ядовитый дым с лестничной клетки, или вода на улице поднимается еще на полметра, отрезая последний безопасный путь к отступлению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.